

Язык прессы

Уместен ли разнобой в эфире?

© Э. Д. ГОЛОВИНА,
кандидат филологических наук

Даже в такие непростые и непредсказуемые времена, как сегодня, общественность не перестает проявлять озабоченность понижением уровня культуры речи, в частности, засильем иноязычных слов в официальном и повседневном обиходе – с одной стороны, жаргонизацией речи – с другой, а также очевидной небезупречностью языка СМИ, в особенности текстов вездесущей рекламы.

Ключевые слова: язык СМИ, культура речи, заимствованные слова, орфоэпические нормы, орфоэпические словари.

Неравнодушие к «великому, могучему, правдивому и свободному русскому языку» подчас выливается в шумные публичные дискуссии, подобные той, которую спровоцировал Приказ Министерства образования и науки № 195 от 8 июня 2009 года. Министерством был дан официальный «Список грамматик, словарей и справочников, содержащих нормы современного русского языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации».

Просвещенную публику возмутили и сам факт чиновничьего voluntarизма, ущемляющего профессиональные права научного сообщества в целом, и некоторые конкретные нормативные рекомендации, содержа-

щиеся в отобранных министерским конкурсом словарях. Были и горячие головы, которые восприняли Приказ № 195 как попытку «реформы русского языка», что, разумеется, ни в коей мере не соответствует истине.

Озадаченные накалом страстей, авторы словарей-фаворитов дрогнули и выразили готовность пересмотреть спорные рекомендации. Так, Инна Сазонова в «Новой газете» пояснила, что вариант «йогурт» (с ударением на последнем слоге) будет сопровождаться пометой «устаревшее»; вариант же «договор» (с ударением на первом слоге) она признала технической ошибкой.

Однако специалистам было понятно, что дело здесь не в случайных недосмотрах. Объяснить происшедшее логичнее тем, что составители «канонизированных» министерством справочников ориентировались на устаревшие сегодня нормативные лексикографические источники, и в первую очередь на академический «Орфоэпический словарь русского языка» 1983 года издания.

Именно в нем находим и слово «брачущиеся» (вместо современного «брачующиеся»), и «йогурт» с ударением на втором слоге, и чересчур «демократичные» двухвариантные «договор» и «по средам» (о дне недели), и слово «кофе», которое разрешается употреблять как имя существительное и мужского, и среднего рода.

Заметим, что в свое время кодификация просторечного ударения в слове *договор* выглядела как своеобразный бонус академических лексикографов генсеку Л.И. Брежневу, который, как известно, предпочитал именно просторечный акцентологический вариант.

Победители министерского конкурса-2009, к сожалению, не учли, что уже не одно десятилетие российское общество находится под воздействием таких мощных воспитателей, как радио и телевидение. Эталонном русском литературном языке постепенно и закономерно стала речь дикторов Всесоюзного радио, а затем – Центрального телевидения и радио. Как известно, прежде образцом русского литературного произношения считалась речь актеров московского Малого театра.

Уповать на то, что нормами литературного произношения ребенок овладеет в провинциальной российской семье или на школьных уроках словесности, представляется утопичным. Познакомиться с этими нормами в стенах образовательных учреждений, действительно, можно и нужно. Но для выработки у молодого человека орфоэпических стереотипов необходимо постоянное воздействие на него естественной нормативно-речевой среды. Фактором регулярного, массирующего и потому устойчивого культурного влияния на необъятных просторах нашей Родины, бесконечно пестрой в языковом отношении, во многом являются всеохватные вещательные СМИ.

Неслучайно закон «О государственном языке Российской Федерации», обязывающий не отступать от норм современного русского языка,

прежде всего называет такие обязательные сферы его использования, как деятельность органов власти и СМИ (статья 3).

В СССР выполнение этой ответственной культурной миссии поручалось самым достойным, специально подготовленным кадрам. Работники радио и телевидения были первоклассными профессионалами, лучшие из которых удостоивались звания заслуженных и народных артистов.

Претендентов на дикторскую должность «просеивали сквозь мелкое сито». Они обязательно имели высшее образование и были, как правило, культурнейшими людьми, которые к тому же готовы были постоянно повышать свой профессиональный уровень.

Для сравнения – о СМИ сегодняшних. 10 июля 2014 года журналист «Эха Москвы в Кирове» сообщил слушателям: «Сегодня родился Сергей Лемешев. Не знаю, кто он такой, надо посмотреть в Интернете». 5 января 2015 года ведущий «Эха Москвы» признался, что ему незнакомо слово *поэмка*. Хотя, заметим, в сводках погоды оно не редкость.

Однако встречаются и обнадеживающие факты. Так, журналистка радио «Хит ФМ» в Кирове сообщила: «У нас висит: включИм, костюмирОванный, танцОвщица – с ударением. И мы разучиваем эти сложные слова». В коридорах некоторых местных редакций и сегодня встречаются доски с газетными текстами, где отмечены нарушения сотрудниками орфографических и прочих языковых норм.

В доперестроечные времена любые ошибки и оговорки в эфире считались непростительными. Как свидетельствует один из участников процесса, «сводки речевого брака выкладывались ежевечерне на стол заместителя председателя Гостелерадио» (Телесемь. 2007. № 22). С профилактическими целями все ошибки вывешивались на специальном стенде на всеобщее обозрение и профессионально обсуждались.

Еще в довоенные годы в дикторской группе Центрального радиовещания под руководством Д.Н. Ушакова трудные случаи произношения слов и форм фиксировались на карточках, которые постепенно сложились в уникальную картотеку. На ее базе дикторская группа подготовила знаменитый словарь ударений, под разными названиями выдержавший в совокупности восемь изданий. Авторами-составителями многие годы были Ф.Л. Агеенко и М.В. Зарва.

Последние по времени книги этих многолетних соавторов образуют своеобразный лексикографический «диптих». Это «Словарь ударений русского языка: 50 000 трудных случаев», изданный наследниками М.В. Зарвы в Ростове-на-Дону в 2010 году, и «Словарь собственных имен русского языка. Ударение. Произношение. Словоизменение: Более 38 000 словарных единиц» Ф.Л. Агеенко (М., 2010).

На работах этих авторов воспитано несколько поколений не только дикторов, но и – опосредованно – радиослушателей и телезрителей,

у которых поэтому и по сей день соответствующие рекомендации по произношению и ударению, естественно, отторжения не вызывают. Очевидно, что, с учетом сказанного, составление специализированных пособий для работников радио и телевидения, доступных также и широкой слушательской аудитории, по необходимости будет продолжаться в том же русле.

Что касается конкретных пословных рекомендаций, то их в любом случае вряд ли стоит корректировать чаще, нежели по прошествии минимум двадцати лет (это условно-расчетная единица при оперировании понятием «поколение» применительно к носителям того или иного естественного языка).

В «нормализаторском консерватизме» видится большой практический смысл: частая смена словарных рекомендаций, без сдерживающего влияния авторитетных ортологических справочников и без равнения на сформировавшиеся речевые эталоны, способна усложнить идентификацию русского языка в разные периоды его существования. Если говорить о пользователе «суетливых» словарей, то и дело обновляющих свои рекомендации, то он будет поставлен перед необходимостью снова и снова переучиваться непонятно зачем.

Картотека дикторской группы Центрального радиовещания родилась как ответ на профессиональные вызовы. Она была помощником в конкретной работе у микрофона и потому имела два существенных, принципиальных отличия от словариков общих, неспециализированных орфоэпических справочников.

Во-первых, картотека и базирующиеся на ней словари ориентированы не только на нарицательную лексику, но и на собственные имена, произношение которых затрудняет говорящих, пожалуй, даже чаще. Имеются в виду постоянно встречающиеся в медийных текстах географические названия, фамилии и имена известных людей, названия СМИ, литературных и музыкальных произведений и т.д. В других орфоэпических словарях такой материал традиционно отсутствует.

Во-вторых, каждая языковая единица представлена в анализируемых словарях в том единственном варианте, который, по выверенному мнению составителей, предпочтителен для дикторов. Как отмечено в предисловии к «Словарю ударений русского языка» 2010 года, «это способствует устранению разнобоя в произношении, облегчает труд журналистов, ведущих радио- и телепрограммы, политиков, юристов, менеджеров и вообще всех профессионалов, чья деятельность так или иначе связана с русским языком и от кого в значительной степени зависит правильное его использование».

Почему такие опытейшие специалисты-практики, как М.В. Зарва и Ф.Л. Агенко, пришли к «безвариантному» принципу формирования словарика своих справочников?

Очевидно, что выдача в эфир различных произносительных вариантов одного и того же слова – это помеха для коммуникативного процесса, то есть для выполнения языком функции средства общения по максимуму. Причем даже в том случае, если оба варианта признаются правильными и равноценными.

Если, допустим, один человек у микрофона скажет «твОрог», а другой «творОг», слушатели данный факт невольно зафиксируют, что неизбежно отвлечет их от восприятия содержания текста. Более того, случаи разнобоя могут вызвать их досаду: почему было своевременно не договориться о единообразном произношении?

Существование в медийном пространстве произносительных вариантов объективно расшатывает нормы современного русского литературного языка, являясь избыточным с точки зрения соотношения формы и содержания. С точки зрения своих последствий для носителей русского языка, лишенных нормативных ориентиров, немотивированная формальная вариантность непродуктивна и даже вредна. В речевом обиходе произносительная вариантность допустима и приемлема, однако выступающим у микрофона есть прямой смысл ее избегать.

Для устранения разнобоя в эфире и для того чтобы сориентировать работников вещательных СМИ в выборе единого, предпочтительного произносительного варианта, и предназначены специализированные орфоэпические словари, подобные описанным выше. Именно их выбирают и прагматичные непрофессионалы – рядовые носители литературного русского языка.

К сожалению, когда слушаешь передачи наших современных теле- и радиокompаний, закрадывается сомнение: известно ли их работникам о существовании орфоэпических пособий, а тем более специальных, профессионально-ориентированных справочников?

По крайней мере, на популярнейшей радиостанции «Эхо Москвы» в передаче «Говорим по-русски», просветительной по сути, ни разу не было ссылок на «безвариантные» орфоэпические словари. Отсюда пестрота, неопределенность и субъективность рекомендаций, даваемых ведущими. Например, на вопрос слушателя о том, как правильно: *с/лэ/нг* или *сленг*, – одна из них отвечает: «Можно и так, и так. Я говорю *с/лэ/нг*, а Оля (соведущая. – Э.Г.) – *сленг*» (2014. 9 нояб.). Но спрашивающего, очевидно, интересовали не индивидуальные произносительные предпочтения, а чистая прагматика: на какой вариант, чтобы быть безупречным, стоит ориентироваться лично ему, и, что очень существенно, вместе со всеми? Удовлетворить естественную, здоровую «тоску по норме» помогла бы ссылка на упомянутый словарь М.В. Зарвы, который однозначно рекомендует произносить «с/лэ/нг».

Кроме ориентации в мире ортологических справочников, журналисту совершенно необходимо умение, что называется, читать словарь, то

есть адекватно и до тонкостей понимать систему и способы представления в нем информации о том или ином слове во всей ее полноте. Так, твердость согласного обозначается в словарях для дикторов пометами типа /тэ/, /рэ/, мягкость же никак не обозначается, например: Аванесов Рубен /бэ/.

Рекомендации по нормативному произнесению звуков русской речи в разных позициях были последовательно, детально разработаны Р.И. Аванесовым в его классическом учебном пособии «Русское литературное произношение», неоднократно переиздававшемся.

Рассмотрим одно из тех правил произношения, реализация которых в языке СМИ резко и, казалось бы, немотивированно актуализировалась у нас на глазах – буквально в последнее десятилетие. Речь пойдет о произношении согласных перед буквой «е» в иноязычных по происхождению словах современного русского литературного языка.

В отличие от предшествующих времен, медийная практика наших дней обнаруживает здесь исключительную приверженность говорящих к употреблению твердых согласных вместо нормативно мягких: ба/ссэ/йн, /дэ/када, /дэ/марш, /дэ/фис, компе/тэ/нтный, конг/рэ/сс, ко/ррэ/ктный, па/тэ/нт, к/рэ/йсер, /мэ/нджер, олигоф/рэ/н, /сэ/ссия, трансли/тэ/рация, эксп/рэ/сс, э/ссэ/нция, юриспру/дэ/нция.

Наибольшее количество раз ненормативно твердые согласные зафиксированы в следующих словах: па/тэ/нт, /тэ/рмин, ши/нэ/ль, но рекордсменами являются небывало актуализировавшиеся в XXI веке существительные /рэ/йтинг, /тэ/ррор и его производные.

Особо отметим случаи ненормативного произношения в радиоэфире собственных имен: Ава/нэ/сов, /Дэ/бальцево, /Кэ/ннеди, О/дэ/сса, /Тэ/хас, Фло/рэ/нция и др.

В соответствии с законами русского произношения, согласные перед гласным «е» звучат как мягкие: *песок, белка, демон, тема, адрес, кофе* и т.д.

Отступлением от правила является произношение твердых согласных перед «е» в заимствованных по своему происхождению словах трех категорий.

Во-первых, это языковые единицы, сохранившие свой «иноязычный ореол» и книжный характер, особенно свежезаимствованные: ре/мэ/йк и ри/мэ/йк, /тэ/т-а-/тэ/т, /тэ/ст, к/рэ/до, каба/рэ/, каш/нэ/, ку/пэ/, /тэ/н/дэ/нция, а/дэ/пт, а/дэ/кватный, биз/нэ/смен, ме/нэ/джер, кор/тэ/ж, пре/тэ/нзия, /сэ/кс и т.п.

Во-вторых, это заимствованные из других языков термины: ин/тэ/грал, Ин/тэ/р/нэ/т, компью/тэ/р, ска/нэ/р, фо/нэ/ма, с/лэ/нг, ко/дэ/кс и др.

В-третьих, это иностранные собственные имена: Марк Т/вэ/н, /Рэ/нэ/ /Дэ/карт, Фри/дэ/рик Шо/пэ/н, Дис/нэ/й/лэ/нд и проч.

Чем можно объяснить наблюдаемое сейчас расширение этого списка за счет давно уже освоенных нашим языком лексических единиц?

Объективным фактором, расшатывающим данную орфоэпическую норму, является влияние украинского языка, в том числе – в его одесском варианте, который нередко воспроизводится в популярных анекдотах, а также характеризует героев так называемых «блатных песен». Пример последнего – куплеты из кинофильма «Свадьба в Малиновке» в исполнении артиста Михаила Водяного: «Маруся в розовых чулочках, таля в к/о/р/сэ/те...».

Субъективным моментом можно считать установку говорящих на демонстрацию своей «статусности», интеллигентности, гламурности. По мнению известного специалиста по культуре речи К.С. Горбачевича, автора книги «Нормы современного русского литературного языка», «стремление произносить прочно вошедшие в обиход иноязычные слова на иностранный лад производит впечатление манерности, стремления “показать образованность”».

Правила произношения согласных перед «е» не поддаются унификации. В каждом конкретном случае следует обращаться к орфоэпическому словарю, и лучше, если он будет специализированным, рассчитанным на работников вещательных СМИ, то есть содержащим прагматичные, однозначные, безвариантные рекомендации. Отсутствие формального разнобоя в произношении позволит языку выполнять свою коммуникативную функцию с максимальной эффективностью.

Киров